

Далеко не каждому члену императорского рода позволялось присутствовать на пиршестве. В этот вечер на семейном пиру собрались из всей династии лишь Чжао Ао со своей супругой — Княгиней Цзин, да Наследник княжества Цзин Чжао Цюн. Кроме них присутствовали трое принцев, а также их матери-супруги. Народу собралось немного, от силы человек десять.

В начале пира царила умиротворенная и радостная атмосфера. Но полчаса спустя второй принц Чжао Шан, желая выслужиться перед императором, поднял кубок за своего венценосного отца и произнес несколько слов. Внезапно Чжао Фу пришел в великий гнев. Ударив по столу, он воскликнул:

— Года не прошло, как не стало твоей августейшей бабушки, а ты уже забыл о ней?! И это мой сыновне почтительный сын?!

Чжао Шан в ужасе округлил глаза.

Остальные замерли от ошеломления — никто даже не успел толком сообразить, что именно сказал Чжао Шан и почему Чжао Фу так вспыхнул.

Мать Чжао Шана, Супруга Чжэнь, тут же выступила вперед, заступаясь за сына. Ей казалось, дело житейское — Чжао Фу просто скучает по Вдовствующей императрице. Почем ей было знать, что едва она заговорит, как Чжао Фу от гнева лишь холодно рассмеется. Бессердечный взор императора уставился на мать и сына:

— Уж не ждете ли вы оба с нетерпением, когда и Я отправлюсь на тот свет?

Чжао Шан от страха шлепнулся на пол, а Супруга Чжэнь онемела, окончательно растерявшись от испуга.

Так семейный пир закончился столь плачевно.

Супругу Чжэнь заперли во дворце размышлять над своими поступками, а второго принца Чжао Шан император заточил в малом буддийском кумировом зале. Ему предписывалось прочесть девяносто девять молитв о Вдовствующей императрице и переписать сто свитков «Сутры сердца Гуаньинь», и лишь тогда его обещали выпустить.

Покидая дворец, Чжао Ао все еще пребывал в полном недоумении. Схватив сына за руку, он спросил:

— Что вообще произошло? Только что ведь спокойно трапезничали, как вдруг речь зашла о Вдовствующей императрице?

Откуда было знать Чжао Цюню?

Чжао Ао продолжил:

— Пойду-ка я сперва к императорскому брату. Когда матушка скончалась, он сокрушался всем сердцем. Чжао Шан, конечно, оплошал, но братцу ни к чему изводить свое здоровье из-за глупостей, оно того не стоит.

Княгиня Цзин удержала его за рукав:

— Не ходи. Это дело венценосной семьи. Будь ты хоть Шестой князь, неужто тебе позволено вмешиваться в дела императорского дома?

Чжао Ао поразмыслил, послушался супругу и покинул дворец.

Спустя два дня молва о том, что второй принц Чжао Шан заточен во дворце, вырвалась за пределы покоев. Тан Шэнь занимал невысокий пост, поэтому узнал об этом на день позже прочих, но одновременно до него дошел другой слух: Чжао Фу слег от гнева!

Тан Шэнь договорился встретиться с Чжао Цюнем в Тереме Цяньли. Чжао Цюн в общих чертах пересказал события той ночи:

— Я и сам не понимаю, что произошло. Мгновение назад Его Величество пребывал в добром здравии и милостиво беседовал с моим отцом. И вдруг стоит второму принцу замолвить пару слов, как он мгновенно вспыхнул. — Чжао Цюн горько усмехнулся: — Его Величество действительно заболел. Нынче на рассвете мой отец отправился во дворец прихаживать за больным.

Со дня смерти Вдовствующей императрицы Чжао Фу то и дело одолевали недуги, будто он стремительно дряхлел.

Каждый приступ болезни протекал крайне тяжело, и то, что император всякий раз выкарабкивался, было настоящим чудом.

Простившись с Чжао Цюнем, Тан Шэнь вернулся к себе. А вечером к нему неожиданно пожаловал незваный гость. Мальчик-писарь проводил того в гостиную. Увидев гостя, Тан Шэнь тут же поклонился:

— Нижайший слуга Тан Шэнь приветствует Главу Астрономического приказа.

Гостем оказался не кто иной, как Глава Астрономического приказа Ли Сяорэнь.

Не виделись они всего пару месяцев, а Ли Сяорэнь высох буквально до состояния скелета. Щеки ввалились, глаза потускнели, губы посинели — вид у него был такой, словно он едва оправился от тяжелейшего недуга. Тан Шэнь вспомнил ту ночь в павильоне Яньчунь, когда Монах Шаньтин не отходил от Чжао Фу, а Ли Сяорэня нигде не было видно. Он осторожно поинтересовался:

— Господин Ли занемог?

Догадка Тан Шэня подтвердилась. Ли Сяорэнь ответил:

— В прошлом месяце меня одолела лютая простуда, лишь пару дней как смог подняться с постели.

— Господину Ли стоит беречь свое здоровье.

Ли Сяорэнь уставился на Тан Шэня, явно собираясь что-то сказать, но не решаясь. Он долго колебался и наконец с трудом выговорил:

— Ван Цюань все еще в Ючжоу?

Тан Шэнь все понял: пришли за Ван Цзыфэном.

— Старший брат все еще в Ючжоу и пока не возвращался. В Приказе серебряных ассигнаций слишком много дел, вряд ли он вернется в столицу раньше чем через несколько месяцев.

Ли Сяорэнь болезненно скривился и тяжело закашлялся:

— Эх, и что же теперь делать...

Тан Шэнь посмотрел на него и спокойно произнес:

— Если у господина есть важное дело, вы можете написать письмо в Ючжоу. Однако старший брат точно не сможет вернуться.

Тан Шэнь явно не собирался вмешиваться и давал понять, что даже не планирует расспрашивать Ли Сяорэня о цели его визита.

Ли Сяорэнь никак не ожидал от Тан Шэня подобного отстранения. Выражение его лица на мгновение одеревенело, но в итоге он не выдержал:

— Господин Тан не ведает, но этот Шаньтин поистине нечист на руку! С тех пор как он появился, здоровье Его Величества расстраивается день ото дня! Признаться честно, хоть я сам из-за болезни давно не бывал во дворце, двое моих младших учеников прислуживают там непрерывно. Знаете ли вы, что вчера заметил мой ученик? Он своими глазами видел, как Шаньтин тайно сносился со вторым принцем, заточенным в буддийском зале, и вели они себя весьма близко друг с другом!

Сердце Тан Шэня йокнуло, но внешне он лишь изобразил легкое изумление:

— Неужто такое возможно?

— Разве я стал бы лгать!

— А господин сообщал об этом Его Величеству?

— Это...

Тан Шэнь заговорил торопливо и взволнованно:

— Это... я и сам не разумею, что происходит и как тут поступить. Почему старший брат до сих пор не вернулся в столицу? Может, господину Ли стоит немедленно начертать письмо в Ючжоу и испросить у старшего брата совета?

Ли Сяорэнь проронил еще пару фраз, но Тан Шэнь лишь беспомощно разводил руками, показывая, что желает поскорее спросить совета у Ван Чжэня. Ли Сяорэнь остался в глубоком разочаровании — он и прежде не возлагал на Тан Шэня особых надежд, а потому раскланялся и удалился.

Седьмого числа первого месяца болезнь Чжао Фу все так же не отступала. Шестой князь Чжао Ао неусыпно дежурил у постели государя.

Ближе к вечеру Тан Шэнь читал у себя дома книгу, как вдруг раздался стук в ворота. Яо Сань отворил и увидел мужчину средних лет с выправкой управляющего. Увидев Яо Саня, тот с улыбкой поклонился. Яо Саню никогда прежде так не кланялись, и он впопыхах ответил тем же.

Мужчина спросил:

— Здесь ли усадьба господина дафу-советника Тан Шэня?

Яо Сань провел его в дом. Завидев Тан Шэня, гость поклонился:

— Приветствую господина Тана.

Тан Шэнь смерил его взглядом и с озадаченным видом спросил:

— Кто вы такой?

Мужчина улыбнулся:

— Ваш покорный слуга — управляющий из Усадьбы Правого канцлера. Мой господин приглашает господина к себе в усадьбу для беседы. Настал Новый год, а с господином Таном вы еще не виделись, вот меня и послали встретить господина Тана.

Тан Шэнь удивился, однако сложил руки в приветствии и ответил:

— Так вы управляющий из усадьбы Ван Цюаня. Что ж, проявить послушание лучше, чем быть учтивым. Ведите.

Вскоре Тан Шэнь сел в экипаж и прибыл к Ван Цюаню.

Всю дорогу Тан Шэнь ломал голову. Ему не верилось, что Ван Цюань решил ни с того ни с сего позвать его на ужин. Ван Цюань происходил из того же Клана Ван из Ланъя, принадлежал к великому знатному роду и строго соблюдал приличия. С Ван Чжэнем Тан Шэнь мог общаться свободно — они заходили друг к другу без визитных карточек и формальных приглашений. Но Ван Цюань — совсем другое дело. Даже зная о близости Тан Шэня с Ван Цзыфэном, он не стал бы столь бесцеремонно звать его в гости.

Охваченный сомнениями, Тан Шэнь вступил в Усадьбу Правого канцлера.

Увидев Ван Цюаня, Тан Шэнь не успел и рта открыть, как тот с легкой улыбкой указал палочками на ломящийся от еды стол:

— Угощайся.

Полный недоумения, Тан Шэнь присел и послушно взялся за палочки.

Тан Шэнь впервые переступил порог Усадьбы Правого канцлера. Эта огромная роскошная резиденция располагалась в восточной части города. И не говоря уж о прочих покоях, одна лишь приемная гостиная поражала воображение: на ширме-перегородке красовался пейзаж тушью кисти известного мастера нынешней династии, на стенах висели подлинники каллиграфии Святого каллиграфа прошлой эпохи, кресла были выполнены из красного дерева, а стол — из ценного сандала.

Любая из этих вещей на рынке стоила бы тысячу лянов серебра.

И все же Ван Цюань созвал этот пир исключительно для них двоих — никаких иных гостей в зале не было.

В обширной Усадьбе Правого канцлера царила полнейшая тишина. Слуги бесшумно подавали блюда, выставляя их невероятное разнообразие, но у Тан Шэня от растущего недоумения кусок в горло не лез. Он размышлял про себя, однако опасался нарушить этикет — вдруг Ван Цюань строго придерживается правила молчания за трапезой, — а потому решил дожидаться окончания ужина, чтобы задать свои вопросы.

Но кто бы мог подумать, что кушанья из кухни будут подавать одну за другой без конца и края!

Тан Шэнь почувствовал неладное. Он отложил палочки и произнес:

— Нижайший слуга приветствует Ван Цюаня.

Ван Цюань улыбнулся:

— Зови меня просто двоюродным дедушкой.

Тан Шэнь от такого ответа на миг лишился дара речи, после чего произнес:

— Двоюродный дедушка.

Ван Цюань кивнул:

— Вот и славно.

Тан Шэнь спросил:

— Двоюродный дедушка призвал меня сегодня, желая поведать о чем-то важном?

Ван Цюань наигранно изумился:

— К чему такие слова? Неужели я не мог просто захотеть навестить тебя и, воспользовавшись отсутствием Цзыфэна, пригласить тебя к себе в усадьбу, чтобы взглянуть на тебя?

Тан Шэнь: «...»

<http://bllate.org/book/18292/1757482>